

Глава VIII. Русская земельная реформа и кооперация

1

Россия стоит на пороге величайшей земельной реформы, которую когда-либо видел мир. Общее направление нашей земельной реформы вполне соответствует тем тенденциям аграрного развития, которые явственно обозначались за последние десятилетия повсеместно — везде мы наблюдаем постепенный переход земли из рук крупных собственников в руки непосредственных земледельцев.

Самым значительным шагом в этом направлении была земельная реформа в Ирландии, которая еще не вполне закончилась, но общий характер которой обозначился уже достаточно определенно. В Ирландии, как известно, еще недавно почти вся территория страны была сосредоточена в руках крупных земельных собственников, которые не вели на этой земле своего собственного предпринимательского хозяйства, но сдавали ее мелким арендаторам-крестьянам. В первоначальной своей стадии ирландская земельная реформа выразилась в том, что было произведено урегулирование арендных отношений, причем за арендаторами были закреплены арендные права и была установлена общественной властью арендная плата. Но на этом земельная реформа в Ирландии не остановилась: мелкие арендаторы потребовали окончательного перехода земли в их руки, и этого им удалось достигнуть. В 1903 г. был издан закон о выкупе фермерами земли, причем в 1909 г. закон этот был дополнен новым, который допустил принудительный выкуп.

Благодаря этим мерам крупное землевладение в Ирландии, если пока еще и не ликвидировано полностью, то, во всяком случае, стоит на пути к такой ликвидации. Земля перешла в руки трудящихся земледельцев, и требования трудящихся масс были удовлетворены.

Ирландская земельная реформа представляет собой самый крупный опыт земельной реформы за много веков. Но как ничтожны размеры этой законодательной меры сравнительно с тем, что предстоит в ближайшем будущем России!

Прежде всего уже сама территория Ирландии несравнима с территорией России. Ирландская земельная реформа охватила земельную площадь приблизительно в 6 млн. десятин. Результатом ее должно явиться превращение нескольких сотен тысяч крестьянских семейств из арендаторов в земельных собственников, причем в руки крестьянина переходит на правах частной собственности в большей своей части та самая земля, которую они и раньше обрабатывали как арендаторы.

Этот результат был достигнут в Ирландии при помощи целого ряда законодательных актов, охвативших почти три десятилетия упорной законодательной работы: первый закон об урегулировании аренды был издан в Ирландии в 1881 г., в то время как решающий законодательный акт о принудительном выкупе был издан в 1909 г. При этом нужно иметь в виду, что до настоящего времени еще далеко не вся помещичья земля в Ирландии перешла в руки крестьян.

Размах нашей земельной реформы совсем иной. Она должна охватить площадь приблизительно в 70-80 млн. десятин, а может быть и более.

При этом имеется в виду не просто передача земли тем, кто ее теперь обрабатывает, а уравнильное распределение земли между безземельным и малоземельным земледельческим населением, даже, в идеале, осуществление равного права всех на землю.

И эта грандиозная земельная реформа, вернее, земельная революция должна быть осуществлена не на протяжении нескольких десятилетий, как в Ирландии, а в ближайшее же время.

Отсюда видно, насколько превосходит по своей трудности та задача, перед которой ныне стоит Россия, все то, с чем до настоящего времени приходилось иметь дело другим странам.

2

Великая земельная революция, в практическое осуществление которой мы уже вступили, должна быть обсуждаема и оцениваема с двух различных точек зрения — с точки зрения социальной справедливости и с точки зрения развития производительных сил.

Эти две точки зрения принципиально совершенно различны. В иных случаях они могут совпадать между собой, но такое совпадение отнюдь не вытекает из самого их существа и потому в других случаях оно может совершенно не иметь места.

Достаточно в этом отношении сослаться на историю возникновения капиталистического способа производства. Капиталистическая система хозяйства основана на эксплуатации труда капиталом и с точки зрения социальной справедливости стоит, конечно, гораздо ниже системы мелкого производства, которая была вытеснена капитализмом. Тем не менее развитие капитализма было, несомненно, процессом прогрессивным по той причине, что капитализм стоял по своей производительности гораздо выше предшествующих форм хозяйства.

Точка зрения социальной справедливости разошлась в данном случае с точкой зрения производительности и победила не более справедливая, а более производительная система хозяйства.

Теперь мы стоим перед новым историческим моментом разрушения уже не мелкого, а крупного производства. Крупное капиталистическое сельское хозяйство в России уничтожено революцией, на смену ему приходит новая система хозяйства — трудовая.

Однако разрушение капиталистического сельского хозяйства оказалось бы в России исторически неизбежным отнюдь не в силу низкой производительности этой системы хозяйства. Наоборот, наше капиталистическое сельское хозяйство до сих пор по своей производительности значительно превышает трудовое крестьянское хозяйство и, что особенно важно в данном случае, трудовое хозяйство не только не нагоняет в процессе хозяйственного развития, но скорее все больше и дальше отстает от последнего. Вот соответствующие данные для Европейской России за пять последних десятилетий:

Урожаи всех хлебов в пудах с десятины

В среднем за	На крестьянских землях	На помещичьих землях
1861-1870 гг.	29	33
1871-1880 гг.	31	37
1881-1890 гг.	34	42
1891-1900 гг.	39	47
1901-1910 гг.	43	54

Как видно из этих цифр, урожайность крестьянской земли значительно ниже, чем помещичьих. Правда, это может зависеть от того, что в помещичьих руках находятся земли лучшего качества, чем в руках крестьян. Но приведенные цифры показывают в то же время, что превосходство помещичьего хозяйства по урожайности сравнительно с крестьянским не только не уменьшается с течением времени, а возрастает. За сорок лет крестьянские урожаи возросли на 48 %, а помещичьи на 64 %; разница тех и других урожаев значительно возросла⁸¹.

Отсюда ясно, что отнюдь не слабая производительность помещичьего хозяйства может оправдать то разрушение его, которое произвела русская революция. Наоборот, капиталистическое сельское хозяйство в России как раз последнее время обнаружило значительный технический прогресс⁸². Первое время после освобождения крестьян наше помещичье хозяйство переживало тяжелый кризис, вызванный неприспособленностью многих помещиков к новым условиям, созданным реформой 19 февраля⁸³. В результате этого кризиса последовали разорение множества помещиков и значительная мобилизация крупного землевладения, причем земля переходила как из среды крупновладельческого класса в руки мелких трудовых хозяйств, так и от одних крупных владельцев к другим.

Новые-хозяева из среды крупных владельцев уже были гораздо более приспособлены к условиям капиталистического хозяйства, что и выразилось в значительном подъеме нашего капиталистического сельского хозяйства как раз накануне революции. Произошел подбор более сильных крупных хозяйств, введших у себя усовершенствования современной агрономической техники, перешедших от трехполья к интенсивным системам севооборота, травосеянию, культуре корнеплодов, сахарной свеклы и т.д.

Культурные помещичьи имения, которые лет двадцать-тридцать тому назад были величайшей редкостью, теперь встречаются уже в значительном количестве почти во всех районах России⁸⁴. И тем не менее все это не спасло помещичье хозяйство, беспощадно уничтоженного революцией.

Что же погубило помещичье хозяйство? То, что помещичье хозяйство встретило осуждение народного правосознания с точки зрения социальной справедливости; и нельзя не признать, что в народном гневном протесте против помещичьего землевладения говорил голос правильного нравственного сознания. Ясно, как божий день, что нетрудовое владение землей не имеет за собой никакого оправдания с точки зрения социальной справедливости. Наша крестьянская масса в противоположность крестьянству большинства стран Запада не настолько проникнута еще инстинктами собственника, чтобы утратить в земельном вопросе непосредственное, здоровое нравственное чувство. И этот-то голос нравственного чувства крестьянской массы и явился приговором помещичьей земельной собственности.

В противоположность исторически выросшему из социального насилия институту частной земельной собственности народное сознание выдвинуло новое право — право на землю. Не следует преувеличивать степень сознательности нашего крестьянства и не нужно думать, что крестьянство в своей массе чуждо собственнических интересов. Наоборот, несомненно, что крестьянин, даже протестуя против земельной собственности, стоит на почве своих интересов как собственника. Но столь же несомненно, что вражда крестьянина к помещичьей собственности основана не только на его классовых интересах как землевладельческого класса, нуждающегося в расширении своего землевладения, но и на нравственном чувстве, возмущающемся против сосредоточения огромных земельных территорий в руках неработающих лиц. Именно благодаря такому соединению классового интереса и нравственного чувства крестьянский протест против помещичьего землевладения приобретает сокрушающую силу.

Однако как ни важна точка зрения социальной справедливости, нельзя все же забывать и принципиально совершенно иной точки зрения производительности. В данном же случае точка зрения производительности самым тесным образом соприкасается с точкой зрения справедливости.

А именно: следует признать, что идея права каждого гражданина на землю отнюдь не представляет собой высшей социальной идеи. Идее права на землю следует противопоставить как бесспорно высшую социальную идею — идею права на землю (равно как и на все средства производства) отнюдь не каждого отдельного гражданина, а всего общества в совокупности.

На землю имеет право не только землероб, но и фабричный рабочий, матрос, врач, учитель, писатель и т.д., и т.д., — все полезные члены общества без исключения.

Как же осуществить это право? Всем пахать землю? Фабричному рабочему бросить свою фабрику, матросу бросить корабль, врачу бросить больницу и т.д., и всем сесть на землю?

Совершенно ясно, что такое решение права всего общества на землю было бы величайшей нелепостью. Чтобы пахать землю, нужно иметь плуг, а этот плуг выделяется на фабрике. Поэтому нельзя пахать земли, если фабрики останутся за недостатком рабочих. Сама возможность пользования землей предполагает работу тех лиц, кто никакого непосредственного участия в сельском хозяйстве не принимает.

Нельзя всем стать землеробами, и, значит, равного права всех на землю нельзя осуществить превращением всех в землеробов. Как же может быть осуществлено это бесспорное право всех на землю?

Очевидно, только одним путем. Землю пахать должна только часть общества, а остальные члены общества, будучи заняты другим делом, имеют право требовать, чтобы те, кто пашет землю, пахали ее наилучшим образом, чтобы для всех хватало земледельческого продукта.

Если часть общества, обрабатывающая землю, обрабатывает ее неудовлетворительно, благодаря чему остальные члены общества, участвующие не в сельскохозяйственной работе, терпят недостаток в сельскохозяйственных продуктах, то этим нарушается бесспорное право этих последних на землю. Ибо земля принадлежит, согласно естественному праву, не только землеробам, но всему обществу, в том числе и тем, кто никакого участия в земледельческих работах не принимает, но работает в других областях. И эти последние работники имеют право объявить свое право нарушенным, если земля плохо обрабатывается теми, кто непосредственно пользуется землей.

Только такой смысл имеет новая правовая идея, противопоставляемая в настоящее время революционным сознанием русского крестьянства идее частной земельной собственности. Лишь под тем условием земля может быть в пользовании части общества, чтобы эта часть общества наилучшим образом исполняла свой общественный долг снабжения общества сельскохозяйственными продуктами.

Всякому праву противостоит общественная обязанность. Общественной обязанностью землероба является снабжение общества достаточным количеством сельскохозяйственных продуктов.

Значит, достаточно высокий уровень производительности сельского хозяйства необходим с точки зрения социальной справедливости. Ибо было бы несогласно со справедливостью, если бы переход земли в руки работающих земледельцев повлек за собой лишение сельскохозяйственных продуктов для всех тех, кто работает не на земле, а в других областях общественного труда.

Если бы это случилось, и если бы переход земли в руки трудящихся земледельцев имел своим последствием сокращение производительности сельского хозяйства, в таком случае

русской революции угрожала бы самая грозная опасность — распада русскогo, пока единого, трудового фронта на два враждебных фронта — городского пролетариата и крестьянства. Ибо, конечно, пролетариат самым насущным образом заинтересован в том, чтобы деревня поставляла в город требуемое количество сельскохозяйственных продуктов. Не забудем, что продовольственный вопрос в России стоит очень грозно — и отнюдь не только в связи с войной.

Можно быть уверенным, что и после войны дело доставления нашим городам достаточного количества продуктов продовольствия наладится не скоро. Обычное представление, что Россия изобилует хлебом и иными сельскохозяйственными продуктами, представляет собой чистейшее заблуждение. Правда, мы являлись до войны одним из главных поставщиков хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов на мировом рынке. Но в русской экономической литературе стало общим местом, что мы вывозили не от избытка, а от недостатка. Избытки для вывоза сельскохозяйственных продуктов образовались у нас лишь вследствие того, что мужик недоедал.

Земельная реформа и предпринимается для того, чтобы изменить это положение дела, чтобы избавить от хронического голода нашу деревню. Но при этом условии и при предположении, что техника нашего сельского хозяйства не повысится, у нас не только не будет хлебного избытка для вывоза, но и продовольствие наших собственных городов станет очень затруднительным.

Чтобы охарактеризовать действительное положение нашего продовольственного дела, достаточно сказать, что Россия производит не больше, а меньше хлеба на душу населения, чем Германия. А ведь Германия была страной, ввозящей хлеб, неспособной прокормить своим хлебом свое население.

При той ничтожной урожайности, которой до настоящего времени характеризовалось наше крестьянское хозяйство, и при прекращении деревенского недоедания, накормить город русской деревне будет очень трудно. До сих пор город кормился не крестьянским, а преимущественно помещичьим хлебом, несмотря на то что помещичьи запашки составляли только одну десятую всей запашиваемой площади в России. Теперь эти помещичьи запашки прекратились. Откуда же городское население будет получать свое продовольствие? Таков грозный вопрос, поставленный перед Россией земельной реформой.

Отсюда следует, что необходимым условием осуществления предстоящей нам реформы является принятие мер к поднятию производительности нашего крестьянского хозяйства. Лишь в этом случае земельная революция не повлечет общего расстройствa нашего народного хозяйства и не приведет наше городское население к голоду⁸⁵.

3

Между тем не подлежит сомнению, что раздел крупных имений между многочисленными мелкими производителями сам по себе, независимо ни от каких других условий, имеет тенденцию понижать производительность.

Достаточно в этом отношении сослаться на следующее обстоятельство. Раздел крупного имения на мелкие участки имеет тенденцию создавать недостаток сельскохозяйственного инвентаря. Предположим, например, что имение с площадью запашки в 3000 десятин должно быть разделено между 200 крестьянскими хозяйствами. По полтавским данным, запахиваемая площадь в 1000 десятин требует для своей обработки 54 плуга. Если та же площадь достанется 200 владельцам, то для ее обработки каждому потребуется особый плуг; для всей площади потребуется, таким образом, 200 плугов. Иными словами, если между крестьянами будет разделен весь инвентарь прежнего крупного имения, то крестьяне окажутся не в силах обработать эту земельную площадь по недостатку инвентаря.

Таким образом, раздел крупных имений между трудящимися земледельцами угрожает совершенно обессилить наше сельское хозяйство и оставить город без продовольствия.

Однако все эти угрожающие последствия земельной реформы отнюдь не неизбежны. Они неминуемо должны были бы наступить, если бы земельная реформа выразилась только в разделе земли крупных владельцев между мелкими. Но в том-то и дело, что земельная реформа ни в коем случае не может и не должна ограничиться только этим. Раздел земли между трудящимися земледельцами для того, чтобы не привести Россию к экономической катастрофе, неизбежно требует существенного дополнения в виде систематически проведенных мероприятий, имеющих в виду дать возможность новым земельным владельцам вести на прежней помещичьей земле не менее производительное хозяйство, чем вели помещики.

На первом плане среди этих мероприятий должны стоять меры по развитию крестьянской кооперации.

Уже до революции кооперация сделала в нашей деревне огромные успехи. Однако дореволюционная кооперация, которая в нашей деревне выражалась преимущественно в кредитных товариществах, опекаемых чиновниками Управления по делам мелкого кредита, не может быть базисом, на котором утвердится трудовое хозяйство русской деревни в будущем.

Земельная реформа выдвигает перед нашей кооперацией новые задачи, и эти задачи могут быть разрешены лишь при помощи новых форм кооперативного движения, с которыми русская деревня пока знакома очень мало.

Раздробление крупного помещичьего хозяйства и передача его в руки многих мелких хозяев обещает прежде всего уничтожить крупное сельскохозяйственное производство и превратить его в мелкое. Правда, в сельском хозяйстве выгоды крупного хозяйства гораздо менее значительны, чем в промышленности. Тем не менее эти выгоды в большинстве отраслей сельского хозяйства, и в частности в области культуры злаков, несомненно остаются. И потому уже уничтожение крупного сельскохозяйственного производства создает опасность понижения производительности сельского хозяйства.

Ввиду этого было бы с точки зрения развития производительных сил чрезвычайно существенно, если бы можно было и после раздела земли между мелкими владельцами, после уничтожения капиталистического сельского хозяйства сохранить крупное сельскохозяйственное производство. Нечто подобное теоретически вполне мыслимо: место крупного капиталистического сельскохозяйственного производства могло бы занять крупное кооперативное сельскохозяйственное производство. Это было бы самым желательным разрешением сельскохозяйственного кризиса, угрожающего ныне России.

И потому несколько не удивительно, что наши социалистические партии, аграрные программы которых по существу почти тождественны и различаются между собой только в деталях, признают особенно желательным, чтобы на месте прежних крупных помещичьих экономий возникли не мелкие крестьянские хозяйства, но крупные сельскохозяйственные артели.

Действительно, такое разрешение нашей земельной революции было бы во всех отношениях наиболее желательным и с точки зрения развития производительных сил, и с точки зрения интересов города, и с точки зрения социалистического идеала. Ибо, несомненно, раздробление крупного хозяйства, хотя бы это крупное хозяйство было капиталистическим, а мелкие хозяйства трудовыми, не может признаваться движением в сторону социализма. Социализм предполагает обобществление труда, а в данном случае мы имеем движение в обратном направлении — от капиталистически обобществленного труда, к раздробленному индивидуальному труду мелких производителей.

В программу первого Интернационала, находившегося под руководящим- влиянием Маркса, входило образование крупных земледельческих артелей. Нельзя представить другой формы превращения мелкого крестьянского производства в социалистическое, кроме сельскохозяйственных артелей. Совершенно очевидно, что крестьянин не согласится бросить свое самостоятельное хозяйство и вместо труда на своем поле перейти к труду на какой-то государственной ферме.

Другое дело — земледельческая артель. Здесь крестьянин не порывает со своим хозяйством и только его расширяет, включая в него и своих односельчан. Товарищеская работа в артели не мешает крестьянину сознавать и чувствовать себя самостоятельным хозяином, между тем как работа на государственной ферме по своей обстановке приближается к работе в помещичьей экономике, которая до такой степени ненавистна крестьянину.

Поэтому земледельческая артель является, говоря теоретически, наиболее естественным переходом от хозяйства мелкого сельского производства к социалистическому хозяйству.

И потому наши социалистические партии, сознавая опасность с социалистической точки зрения насаждения на место прежнего крупного сельского хозяйства мелкого крестьянского, признают наиболее желательной замену помещичьего производства крупным трудовым артельным производством.

Однако хозяйственное развитие не всегда идет в том направлении, которое признается желательным хотя бы и очень могущественными партиями.

Нельзя не согласиться, что именно земледельческие артели должны считаться той формой кооперации, развитие которой в настоящее время в России наиболее желательно, ибо только земледельческие артели явятся радикальным разрешением нашего сельскохозяйственного кризиса, между тем как все другие формы кооперации могут лишь содействовать такому разрешению, не будучи таковым в окончательной форме. Тем не менее я не возлагаю больших надежд на земледельческие артели и думаю, что на практике с артелями считаться почти не придется.

Трудовая кооперация является, несомненно, чрезвычайно важным видом кооперации, но этот вид кооперации получит пышное развитие лишь после крушения капиталистического хозяйства, в социалистическом обществе будущего. Пока же речь идет об обществе настоящего, трудовая кооперация будет привлекать не народные массы, а немногих избранных, людей, стоящих выше толпы, ищущих нового мира. Таких искателей всегда немного, и трудовая кооперация является и останется кооперацией для людей исключительных и возвышающихся над средним уровнем человечества.

Я несколько не сомневаюсь, что в ближайшем будущем возникнет немало земледельческих артелей. По всей вероятности — хотя в этом уверенным быть нельзя, — в ближайшем будущем мы много услышим о земледельческих артелях, и вокруг них возгорятся самые ожесточенные споры и возникнет обширная литература.

Артели найдут среди интеллигентов восторженных поклонников, которые будут с фактами и цифрами в руках опровергать скептиков в данном вопросе, подобных мне.

Все это весьма вероятно, и мы должны быть готовы пережить новую «артельную эпопею» в дополнение к стольким предшествовавшим. Но, нужно думать, предстоящая «артельная эпопея» далеко оставит за собой по своим размерам все ранее бывшие.

Я охотно допускаю, — и был бы этому как кооператор искренне рад, — что у нас возникнут сотни земледельческих артелей с тысячами членов. Но ведь сотни артелей и тысячи членов — это капля в море сравнительно с размерами нашей земельной революции.

На месте разрушенных крупных экономий возникнут не тысячи, а миллионы крестьянских хозяйств, в распоряжение которых перейдут помещичьи земли. И мне кажется совершенно невероятным, чтобы в близком будущем члены земледельческих артелей считались у нас миллионами.

Вероятнее всего, что число членов земледельческих артелей будет считаться немногими тысячами. В лучшем и весьма мало вероятном случае таких членов будут сотни тысяч. На миллионы же рассчитывать уж никак не приходится.

И потому даже в наиболее благоприятном случае земледельческие артели охватят лишь ничтожную долю крестьянских хозяйств.

Впрочем, и чрезмерный пессимизм по отношению к земледельческим артелям не может считаться обоснованным. Дело в том, что, несомненно, для успеха таких артелей условия складываются в настоящее время гораздо благоприятнее, чем когда-либо раньше. Во-

первых, никогда раньше не происходило такой огромной ликвидации крупного капиталистического сельского хозяйства, как ныне. Можно себе представить, что во многих случаях, когда возникнет вопрос, как быть с помещичьей экономией, снабженной всем необходимым инвентарем, прежние земледельческие рабочие той же экономии заинтересуются мыслью продолжать общее хозяйство на той же земле, образовать земледельческую артель.

И это будет тем возможно, что идеи социализма носятся теперь в воздухе и вождями крестьянства являются участники социалистических партий. До сих пор наше кооперативное движение в деревне развилось почти без влияния социалистических партий. Не социалисты, а чиновники разных ведомств являлись главными насадителями деревенских кооперативов.

Теперь не то. Теперь вся интеллигенция, влияющая на настроения деревни, в большей или меньшей степени проникнута социалистическими симпатиями — не потому, чтобы среди интеллигенции не было элементов, враждебных социализму, но потому, что несоциалистические элементы интеллигенции не могут влиять на крестьянскую массу, признающую только социалистические партии.

Социалистически настроенные кооперативные деятели будут толкать крестьянство в сторону устройства земледельческих артелей, и, вероятно, такие артели будут возникать.

В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в единственной стране, в которой существуют в довольно значительном количестве земледельческие артели — в Италии, такие артели возникли под непосредственным влиянием социалистических партий.

То же будет, вероятно, и у нас. Социалистические партии окажут и у нас свое влияние на развитие земледельческих артелей. Но как бы ни был велик успех таких артелей, они все же должны явиться в будущей русской деревне не правилом, а исключением.

4

На производительные артели как на средство поднятия производительности русского сельского хозяйства больших надежд возлагать, таким образом, не приходится. Иное нужно сказать о других формах кооперации.

Многие виды кооперации должны получить чрезвычайное развитие в трудовом крестьянском хозяйстве будущего. Я указывал, что разделение между многими мелкими хозяевами инвентаря крупного имения неизбежно должно повести к недостаточности этого инвентаря для обработки того же имения. Однако это затруднение может быть легко преодолено при помощи образования производительноподсобных артелей.

Производительно-подсобные артели играли до настоящего времени в русской деревне совершенно ничтожную роль. Однако на Западе кооперативы этого рода имели и имеют очень большое распространение.

Возьмем, например, машинные товарищества, которые насчитывают в южной Германии многие десятки тысяч членов. Эти товарищества обычно образуются для кооперативного использования таких сельскохозяйственных машин, которые по своей цене недоступны для заурядного крестьянского хозяйства, как, например, молотилки и т.п. Потребность в товариществах этого рода после перехода помещичьей экономии в руки трудящегося народа будет громадна.

Было бы очень нецелесообразно передавать инвентарь помещичьей экономии отдельным крестьянским хозяйствам, гораздо целесообразнее было бы передавать этот инвентарь специально для того образуемым товариществам, производительно-подсобным артелям.

Такая артель могла бы снабжать деревню необходимым инвентарем, и инвентаря хватило бы для поддержания сельскохозяйственного производства на прежнем уровне.

Но нужно с этим спешить. Жизнь не ждет. Помещичья земельная собственность уже не существует. Место помещиков в качестве владельцев заняли земельные комитеты. Что касается помещичьего инвентаря, то судьба его остается неопределенной. Во многих случаях помещичий инвентарь расхищается соседними крестьянами, а то и просто уничтожается и погибает.

Земельные комитеты отнюдь не пригодны для того, чтобы организовать дело снабжения крестьянства инвентарем. Только добровольно возникающие специальные товарищества, находящиеся под контролем самих заинтересованных лиц, могут удачно справиться с этой далеко не легкой задачей.

Здесь открывается чрезвычайно важная задача для волостных и уездных земств. В большинстве земств в настоящее время имеются специальные инструкторы по кооперации. Им следует, ни мало не медля, приступить к организации таких товариществ, к которым и должны переходить от земельных комитетов сельскохозяйственные орудия и машины, принадлежавшие раньше помещикам.

С живым инвентарем дело обстоит значительно труднее, так как содержание скота и лошадей требует тщательного ухода, и сомнительно, чтобы такой уход мог быть достигнут, если скот и лошади будут принадлежать производительно-подсобной артели. Живой инвентарь помещичьей экономии, если он не отличается никакими особыми достоинствами, было бы целесообразно отчуждать отдельным крестьянам; в случае же племенного хозяйства следует сохранить стадо в нераздробленном виде во владении местного муниципалитета. Во всяком случае, кооперативное владение лошадьми и скотом организовать было бы нелегко.

5

Одним из самых трудных вопросов земельной реформы является судьба наших свеклосахарных заводов. Заводы эти в большинстве случаев ведут свое собственное плантаторское хозяйство — они владеют огромными площадями земли, на которой

культивируют сахарную свеклу. Если отобрать эти плантации у заводов и передать их для других культур крестьянству, то возникнет опасность гибели свеклосахарной промышленности, дающей огромные заработки местному населению и производящей такой необходимый предмет общенародного потребления, как сахар. Как же быть с сахарными заводами?

И в этой области вполне возможно применение кооперации. В Чехии незадолго до войны стали возникать многочисленные кооперативные сахарные заводы, принадлежащие крестьянам-пос- тавщикам свеклы.

Такой кооперативный сахарный завод представляет собой товарищество по переработке (общеизвестным примером таких товариществ по переработке являются маслодельные артели). Известны поразительные успехи маслодельных товариществ во многих странах. Совершенно по тому же типу могут быть организованы и кооперативные свеклосахарные заводы.

Правда, не нужно преуменьшать трудностей этого дела и думать, что устроить кооперативный свеклосахарный завод так же легко, как устроить кооперативную маслодельню. Большая трудность в этом случае состоит в том, что по техническим условиям маслоделия только кооперативное маслоделие является технически рациональной формой производства масла: а именно, как было указано в главе IV, только при кооперативном маслоделии производитель масла имеет полный контроль над производством молока в хозяйстве мелкого производителя, а этот контроль в маслодельном производстве совершенно необходим благодаря тесной зависимости качества масла от свойства молока и условий хранения последнего. В свеклосахарной промышленности всех этих условий не имеется и вполне возможна капиталистическая организация производства сахара, которую мы и видим в настоящее время.

Таким образом, технические условия сахарного производства не требуют неизбежно кооперативной организации. С другой же стороны, создание кооперативных свеклосахарных заводов затрудняется огромной стоимостью их: в то время как маслодельный завод является предприятием сравнительно некрупным, сахарный завод для своего устройства требовал до войны многих сотен тысяч рублей, а теперь требует миллионов.

Все это так, но тем не менее ничего невозможного в устройстве кооперативных сахарных заводов нет. И если в Чехии число таких заводов возрастает, почему бы им не возникать и в России?

Главная трудность в данном случае заключается в огромной стоимости заводов. Но ведь при помощи государства кооперация всегда может получить нужные ей денежные средства. И потому переход свеклосахарных заводов в руки объединенных в особые кооперативы поставщиков свеклы должен считаться самым естественным путем дальнейшего развития нашей свеклосахарной промышленности.

Правда, свеклосахарные заводы могут быть устраиваемы и иначе — например, кредитными кооперативами. Но, строго говоря, это не будет кооперацией ибо кооператив выступает в

данном случае как всякий иной предприниматель на рынке и кооперативного начала здесь нет. В этом заключается и естественная слабость таких предприятий, почему гораздо более могут рассчитывать на успех предприятия действительно кооперативные, т.е. такие, хозяева которых участвуют в кооперативном предприятии не только своим капиталом, но и пользуются данной организацией в своей хозяйственной деятельности. Напомнить об этом не мешает, так как у нас нередко возникают предприятия такого рода и среди кооператоров, а благодаря общей неясности кооперативной теории, нет вполне определенного отношения к ним.

Так, легко можно себе представить, что крупный кредитный кооператив, хотя бы Московский народный банк или Украинский кооперативный банк, устроит свой собственный свеклосахарный завод. Это предприятие может иметь успех, но, во всяком случае, он ничего общего с кооперацией иметь не будет. Свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, принципиально ничем не отличается от свеклосахарного завода, принадлежащего капиталистическому банку.

Напротив, свеклосахарный завод, принадлежащий товариществу производителей свеклы, которые перерабатывают на данном заводе свою свеклу, будет несомненным кооперативом. Почему же? Потому, что свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, является в руках банка лишь одним из способов помещения капитала ради получения прибыли, между тем как завод в руках товарищества производителей свеклы является средством сбыта в переработанном виде трудового продукта этих производителей — свеклы.

А так как ведение банком промышленного предприятия является операцией, несомненно, рискованной и маложелательной, то столь же нельзя советовать и кооперативным банкам заниматься такими операциями. Напротив, производителям свеклы вполне целесообразно кооперативно объединяться для устройства своего свеклосахарного завода.

Правда, кооперативный сахарный завод может быть устроен и союзом потребительских обществ. Но и этому типу следует предпочесть товарищества по переработке. Опыт Запада показал это во всех областях, соприкасающихся с сельским хозяйством — крестьянская кооперация сильнее собственного производства потребительских обществ.

6

Кооперативное производство в разных его видах является вообще той областью кооперации, для которой требуется наибольшая подготовка участников. Гораздо легче удаются кооперативы в области обмена.

В этой области можно ожидать в связи с земельной реформой колоссального развития в близком будущем. Дореволюционная Россия уже была густо покрыта сетью кредитных товариществ. Но хотя членов кредитных товариществ у нас было больше, чем в любой другой стране, тем не менее наша кредитная кооперация оставляла желать очень и очень многого.

Главным недостатком нашей кредитной кооперации была крайне малая ее самостоятельность и непосредственно связанное с этим ее отклонение от райффайзеновского типа. Большинство наших кредитных товариществ только по имени было кооперацией.

Теперь нам необходимо перестроить наши кредитные товарищества по типу действительно самостоятельной кооперации и придать им черты райффайзеновских товариществ. Нужно стремиться к тому, чтобы каждое село имело свое собственное кредитное товарищество и чтобы члены товарищества фактически держали его в своих руках. Потребность в кредите в связи с земельной реформой и созданием целого ряда новых крестьянских хозяйств, а также с расширением старых хозяйств будет громадна. Государство должно, конечно, прийти на помощь этой потребности, и денежный капитал должен поливаться широкой струей в нашу деревню. Но крайне важно, чтобы капитал этот находил на местах наиболее целесообразное применение и использование.

Для этого, в свою очередь, требуется, чтобы дело распределения капитала между нуждающимися в нем производителями было всецело в их собственных руках. Лишь при условии самого тщательного контроля крестьянским обществом можно рассчитывать на успех во всем деле применения капитала к поднятию крестьянского хозяйства.

Тут перед крестьянским населением открывается огромная творческая работа, которую оно должно взять на себя, не рассчитывая, как раньше, на правительственную опеку.

Теперь нет начальства, и трудящиеся массы сами должны строить свою жизнь. Конечно, инструктора по кооперации должны оказывать необходимую помощь; число таких инструкторов должно быть увеличено в огромных размерах. Трудно указать другую деятельность, потребность в которой в новой, преобразованной деревне так настоятельна.

Но инструктор по кооперации никоим образом не должен играть роли прежнего инспектора мелкого кредита. Инструктор по кооперации должен быть сам прежде всего кооператором и, значит, твердо помнить, что кооперация есть самостоятельность населения, а отнюдь не опека и руководство сверху. Его роль должна быть ролью инициатора и помощника — и только. Главной задачей его должно быть создание такого положения, при котором он сам становится ненужным вследствие развития самостоятельности населения.

Но пока это будет достигнуто, без помощи со стороны кооперация обойтись не может. И потому теперь самой настоятельной общественной потребностью является создание многочисленных кадров инструкторов и вообще работников кооперации.

Мощная и самостоятельная кредитная кооперация, опирающаяся на широкую поддержку государства (но без всякого элемента бюрократизма и опеки, чего новая русская деревня, впрочем, и не потерпит), должна стать маховым колесом, которое будет приводить в движение всю русскую кооперацию. Ибо всякое кооперативное предприятие требует прежде всего известного капитала, которым русская деревня снабжена крайне скудно. Поэтому кредитная кооперация является естественной основой всякой другой.

Но кредитная кооперация не должна стремиться захватывать в свои руки всю остальную. Задачи кредитной кооперации строго определены: снабжение денежным капиталом как индивидуального крестьянина, так и кооперативов. Было бы нежелательно, чтобы кредитный кооператив становился универсальным кооперативом, совмещающим в себе все крестьянские кооперативы разного рода. Между тем тенденция к такому развитию кредитной кооперации, несомненно, имеется благодаря тому, что кредитная кооперация располагает денежным капиталом и может давать ему любое направление и приложение.

Более правильным и соответствующим целям кооперации следует признавать устройство особых кооперативов для каждой особой задачи. В этом отношении следует возразить против райффайзеновского типа кооперации, стремящегося к образованию универсальных кооперативов на основе кредитной кооперации.

Итак, прежде всего нужно позаботиться о самом усиленном развитии кредитных товариществ, и притом преимущественно в чистом виде, т.е. ставящих для себя преимущественно чисто кредитные задачи. Рядом с кредитными кооперативами должны получить самое широкое распространение также кооперативы по закупке и сбыту.

Кооперативы по закупке было бы нецелесообразно организовывать в двух различных формах — кооперативы по закупке предметов потребления и кооперативы по закупке средств производства. Напротив, ввиду того что задачи кооперативов того и другого рода в деревне очень близки между собой (крестьянское хозяйство образует собой производительно-потребительную единицу, в которой производство и потребление тесно связаны друг с другом и образуют одно неразрывное целое), желательны универсальные закупочные кооперативы, в которых должны сосредоточиваться все закупки крестьянина как предметов потребления, так и средств производства.

Так как операция закупки представляется, вообще говоря, очень несложной, то при деятельной поддержке закупочных кооперативов со стороны кредитной кооперации нужно думать, что закупочная кооперация получит очень скоро огромное развитие в русской деревне. В идеале нужно стремиться к тому, чтобы крестьянин ничего не покупал индивидуально, а только через посредство своих закупочных кооперативов.

Гораздо более трудной является кооперация сбыта. Тем не менее и в этой области заметны за последнее время большие успехи. Во время войны наша кооперация по сбыту стала весьма важным органом сбыта сельскохозяйственных продуктов.

Весь характер внешней торговли России должен испытать глубочайшее изменение. Вряд ли Россия останется страной, вывозящей хлеб. Предметом нашего будущего вывоза станет, по видимому, главным образом лес, которым мы снабжены лучше какой-либо другой страны и который обещает нам огромные богатства. Соответственно этому потребность в крупных экспортных элеваторах американского типа у нас отпадает за вероятным прекращением самого хлебного вывоза. Но, конечно, внутренний хлебный рынок требует своей организации. Мелкие зернохранилища действительно необходимы, и следует стремиться, чтобы в каждой волости было свое зернохранилище.

Можно себе представить, что такие зернохранилища будут устраиваться волостными земствами. Однако мне кажется более целесообразным, чтобы все, доступное по своим техническим задачам кооперации, исполнялось именно кооперацией, а не принудительными общественными союзами, каковыми являются муниципалитеты, как бы ни был ограничен район их действия. Дело в том, что кооперативная организация представляет собой вообще высший тип общественного устройства и стоит выше всякого принудительного общественного союза именно потому, что принудительный общественный союз основан на принуждении, между тем как кооперация является единственным известным нам типом хозяйственной организации совершенно свободной. И потому все, что может быть достигнуто путем кооперативной организации, должно и достигаться ею, и лишь в случае невозможности достигнуть тех же целей при помощи кооперации следует прибегать к союзам принудительного рода. Кооперативы по сбыту хлеба вполне целесообразно комбинировать с кооперативами по сбыту и других продуктов сельского хозяйства. Опыт германских кооперативных зернохранилищ убедительно говорит о необходимости такого соединения, ибо в противном случае помещение и рабочий персонал кооператива не могли бы быть полностью использованы в течение всего года.

Таким образом, кооператив по сбыту приближается к типу универсального кооператива по сбыту. Но, конечно, в такой универсальности нет безусловной необходимости, и если технические и экономические условия делают желательными специализированные кооперативы по сбыту, то против этого нечего возразить.

Эти кооперативы по сбыту требуют для своего успеха затраты значительных денежных капиталов. Поэтому первое время, пока дело кооперативного кредита не будет вполне налажено, было бы целесообразно соединять эти кооперативы с кредитными кооперативами.

Но когда кооперация получит под собой прочную основу, связь кооперации по сбыту с кредитными кооперативами могла бы без всякого ущерба для дела прерваться: как я говорил выше, наиболее естественным я считаю образование кредитных кооперативов чистого типа, которые финансировали бы кооперативы других типов.

Таким образом, вся область покупки и сбыта продуктов крестьянского труда должна сосредоточиваться с течением времени в кооперативах. Крестьянин, выступая на рынке, будет выступать не индивидуально, а как член мощных кооперативных союзов.

В связи с кооперацией земельная реформа может привести к мощному развитию нашего крестьянского хозяйства и явится, таким образом, стимулом развития производительных сил вместо тормоза такового в противном случае.

Версия #1

Зверобой создал 9 июля 2025 17:16:53

Зверобой обновил 9 июля 2025 17:36:16